

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ЭДВАРД ЛИР (1812 – 1888)

ЛИМЕРИКИ¹

На холме обретался старик,
Он на месте стоять не привык;
Вверх и вниз всё резвей
В платье бабки своей
Прихорошенный бегал старик.

Дева юная из Португалии
Всё рвалась в океанские дали и
С крон деревьев то и дело
В сине море глядела,
Но осталась верна Португалии.

¹ Лимерик – это форма юмористического, комического стиха абсурдного содержания (nonsense verse), где комичность достигается бессмысленностью содержания или нелепостью поведения описываемых характеров. Но хотя в основу лимерика положен абсурд, бессмыслица, эта бессмыслица, как отмечают исследователи, либо должна быть логически организована, либо, не имея очевидной логичности изложения, должна тем не менее содержать некий, пусть абсурдный, смысл («sensible nonsense or nonsensical sense»). Это, конечно же, nonsense, но все-таки verse. И как утверждают некоторые авторы, «бессмысленная поэзия» в некотором роде ближе к определению поэзии, чем другие виды литературы, так как апеллирует не столько к интеллекту, разуму, сколько к слуховому и чувственному восприятию; в бессмысленных словах, определенно организованных, содержится столько музыкальности, что иногда такая поэзия более поэтична, чем какая-либо другая.

Большинство специалистов полагает, что название «лимерик» произошло от рефрена песен, исполнявшихся ирландскими солдатами-ополченцами, служившими при французском короле Людовике XIV. На своих вечеринках солдаты, импровизируя, исполняли песенки (часто не совсем пристойного характера), каждый куплет в которых завершался рефреном, громогласно повторяемым хором – Will you come up to Limerick? (или, по другой версии, Won't you come up to Limerick? – «Вернешься ли ты в Лимерик?»). Но нередко название этой литературной формы прямо связывают с названием одноименного города в Ирландии, где еще в XVII веке она была очень популярна.

До XIX в., т. е. до того времени, когда эта форма получила признание и обрела те четкие черты, которые присущи ей и считаются характерными для нее и по сей день, лимерики, появляясь иногда в печатном виде, были чем-то вроде того, что в XX в. стало называться «андеграундом» – т. е. тем, что не относится к традиционному, общепринятому в области искусства и в силу этого таковым считаться не может.

Широкую популярность лимерик как стихотворная форма приобрел после 1846 г. Тогда вышел в свет первый томик стихов Эдварда Лира «A Book of Nonsense», стихов, написанных для детей и, как потом оказалось, многих и многих взрослых, в форме лимерика. (Прим. ред.)

Был один старичок в бороде,
Он сказал: «Так и знал, быть беде!
Две совы и несушка,
Корольки и кукушка
Угнездились в моей бороде!»

Молодая флейтистка из Бьюта
В руки флейту взяла на минуту
И сыграла на ней
Пару джиг для свиней
Престарелого дяди из Бьюта.

Эксцентричный старик из Апулии
Был весьма специфичным папулею
Двадцати сыновей;
И кормил их, ей-ей,
Только сдобой старик из Апулии.

Жил да был некий старец из Праги,
Злоключилась чума у бедняги;
Так бы жизнь и угасла,
Да коровьего масла
Дали вовремя старцу из Праги.

Некий старец из города Трои
Тёплый бренди и соус из сои
Лил в столовую ложку
И вкушал понемножку
При луне на окраине Трои.

Жил на скалах старик вдалеке,
Он супругу закрыл в сундуке;
А на все её пени
Отвечал: «Без сомнений,
Ты всю жизнь просидишь в сундуке».

Был старик, рассуждавший толково:
«Как спастись от ужасной коровы?
Примощусь на заборе,
Улыбаясь, и вскоре
Умягчу этим сердце коровы».

С языка старикашки из Сарка
Сорвалась площадная ремарка;
Тут ему попеняли:
«Ну не зверь, не свинья ли
Вы, разнузданный старец из Сарка!»

Отличился старик, житель Ская,
В танце муху кружа и таская;
И жужжали оне
Томный вальс при луне
К удовольствию жителей Ская.

Кудреватый старик из Перу
Всё не знал, чем заняться в миру;
Неуклюж как медведь,
Выдрал кудри на треть
Лысоватый старик из Перу.

Грубый старец из города Буда
Вёл себя всё грубее, покуда
Некто, взяв молоток,
Не пристукнул чуток
Горлодёра из города Буда.

Разухабистый старец из Анерли
По широкому Странду, не странно ли,
Бегал ветра шальной,
Подхватив двух свиней,
Но под вечер вернулся он в Анерли.

Был один старичок из Ливорно,
Самый крошечный в мире, бесспорно;
Но какой-то щенок
Раз его подстерёг
И сожрал старичка из Ливорно.

Перевёл с английского Борис Архипцев

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

ЙОАХИМ РИНГЕЛЬНАЦ (1883 – 1934)

Ожидание невесть чего

Шарманка мучает мотив
Житья и умиранья.
Осколки лежат за домом, в тени, в
Углу под мусорной дрянью.

Терзается козявка в окне,
Кругами ползет через силу.

Звонок. Бедняк предлагает мне
Шнурки. Или, может, мыло.

Ничто не меняется день ото дня,
Своим вещам я не нужен.
Ничто не держит в доме меня,
Ничто не зовет наружу.

Обращение Незнакомца к Накрашенной перед памятником Уильяму Уилберфорсу

Добрый вечер, милая красотка!
Сейчас десять ноль пять.
Не были бы вы так любезны со мной переспать?
Кто я? То есть, как моя фамилия?
Не скажу вам правды я о ней,
Но тебе три фунта подарю.
Правды никогда не говорю,
Не целую в губы. Ты, дитя,
Выманишь три фунта сверх, хотя
Я тебя умней.

Дитя, повидал все страны я.
Побывав во всяких Занзибарах,
И Калькуттах, и Тиролях, и на нарах,
Замечаешь, что не замечал,
Какие люди все же странные.
Честь для тебя или для поэта –
Не то, что Петра Первого честь.
Кстати, я был (подари мне эту
Подвязку!) декоратором летом
В Гамбурге. Десять ноль шесть.

Слышишь гудок? Вот затих...
Уильсон Лайн, привет!
Что? Я слегка под мухой?
О нет, нет! Нет! Я безбожно пьяный
Крайне опасный буйный псих.

С другой стороны – шесть фунтов фюр дих.
Как недоверчиво ты рядом со мной идешь!
Погоди, ты не знаешь меня-паяца.
Вот увидишь, ты будешь смеяться.
А может статься,
И расплачешься, хоть не поймешь.
Я и сам... Ты согласишься мне после: одетому, дома.
Девушки вроде тебя мне всегда были рады.

Я вделан в жизнь без склада и лада,
Все мне здесь незнакомо.
Там живет моя мама. – Наоборот!
Здесь шуметь непременно надо!

Я допотопный комод.
Чернилами и вином облитый,
Ударами ног закрытый.
Я умру, и, хихикая, кто-то поймет,
Что за тайник много лет
Я скрывал. Ах, дитя,
Какой в Кунитцбурге омлет!
Эта шутка без перца.
Я не очень-то весел.

Сердца нет за комодной дверцей.
Я – жалкий шут. Но там, где известь и тальк,
Вдалеке, мое настоящее сердце.
Где-то у Мушелькальк.

РОБЕРТ ГЕРНХАРДТ (1939 – 2006)

Рождение

Здесь женщина дитя рожала.
Дитя рожденное лежало.
И эту видели картину
две неразумные скотины.

А именно: бычок и ослик.
Они дитя жалели, возле
холодной жалкой сена горстки
лежащее совсем без шёрстки.

Промолвил бык: «Возьми мои рога,
чтоб защищаться мог ты от врага».
Осел добавил: «Для защиты тыла
сойдет мой хвост». И это верно было.

И был младенец рад такой награде –
На лобик – рожки, гибкий хвостик сзади.
Пролаял пес полночный свой привет.
Так появился Люцифер на свет.

Перевела с немецкого Александра Берлина